

Криминальный сюжет и судебная риторика в произведениях А. П. Чехова: соотношение лингвистических особенностей художественного текста и уголовно-правового аспекта

И. С. Кузнецова

*Сибирский институт бизнеса и информационных технологий
ул. 24-я Северная, д. 196/1, 644116, Омск, Россия. E-mail: zaks_83@mail.ru*

Цель данной научной статьи заключается в исследовании специфики отражения криминальных сюжетов и элементов судебной риторики в художественном творчестве Антона Павловича Чехова. Основное внимание уделяется выявлению взаимосвязей между лингвистическими особенностями чеховского текста и уголовно-правовыми аспектами изображаемых ситуаций. Анализируется, каким образом авторская манера изложения, использование языковых средств и стилистические приемы способствуют созданию образа преступления и процессуальной реальности, формируя уникальную интерпретацию юридических понятий и правовых норм в литературном пространстве произведений Чехова. Отмечается роль биографического контекста в произведениях писателя криминальной направленности, значение поездки на остров Сахалин с целью изучения Чеховым уголовно-правовой системы России конца XIX – начала XX века и отражение индивидуального авторского восприятия правовой картины мира, включающей в себя все отрасли права. Делается вывод о том, что разнообразные художественные средства и лингвистические приемы, используемые Чеховым в криминальных рассказах и повестях, помогают объяснить причины зарождения идеи о преступлении, описать характеры и мотивы героев, виды совершаемых преступлений, а также показать неотвратимость наказания в виде нравственного или правового суда.

Ключевые слова: криминальный сюжет, проблематика художественного произведения, судебная риторика, лингвистика текста, уголовно-правовая система.

Criminal Plot and Judicial Rhetoric in the Works of A. P. Chekhov: The Relationship between Linguistic Features of a Literary Text and the Criminal Law Aspect

I. S. Kuznetsova

*Siberian Institute of Business and Information Technology
24 North St.196/1, 644116, Omsk, Russia. E-mail: zaks_83@mail.ru*

The purpose of this scientific article is to study the specifics of the reflection of criminal plots and elements of judicial rhetoric in the artistic work of Anton Pavlovich Chekhov. The main attention is paid to identifying the interrelationships between the linguistic features of the Chekhov text and the criminal law aspects of the situations depicted. The article analyzes how the author's manner of presentation, the use of linguistic means and stylistic techniques contribute to the creation of an image of crime and procedural reality, forming a unique interpretation of legal concepts and legal norms in the literary realm of Chekhov's works. The article highlights the role of biographical context in Chekhov's criminal-themed works, the significance of his trip to Sakhalin Island to study the Russian criminal justice system in the late 19th and early 20th centuries, and the reflection of Chekhov's individual perception of the legal worldview, which encompasses all branches of law. The article concludes that Chekhov's diverse artistic techniques and linguistic devices in his criminal stories and novels help to explain the conceiving of crime, portray the characters' personalities and motivations, and delve into the types of crimes committed, while also emphasizing the inevitability of punishment through moral or legal judgment.

Key words: criminal plot, problems of fiction, judicial rhetoric, linguistics of the text, criminal law.

А. П. Чехов известен читателю как писатель, обладающий тонким чувством юмора, мастерством раскрытия глубокой проблематики произведений через изображение повседневности жизни, психологизмом реалистического описания человеческих характеров. Однако степень изученности творчества писателя в юридической плоскости недостаточна. В разные годы он создавал произведения малых эпических жанров, в основе которых лежит так называемый криминальный

сюжет. Кроме того, научный интерес представляют тексты автора, относящиеся к судебному ораторскому искусству. Именно они и являются объектом рассмотрения в данной работе. Предметная область исследования художественных произведений криминального сюжета Чехова, а также текстов, содержащих описание судебных процессов и их участников, заключается в выявлении специфики произведений как объемных речевых высказываний писателя, структуры художественных текстов и его языковых особенностей. Цель исследования: рассмотреть лингвистические особенности произведений Чехова, основу которых составляет криминальный сюжет, в соотношении с уголовно-правовыми аспектами изображаемых ситуаций. Материалом для работы послужили рассказы Чехова и отдельные повести. Методы исследования: контекстуальный анализ, описательный метод, элементы контент-анализа.

Произведения криминальной направленности Чехова неоднократно привлекали внимание исследователей. Так, Н. В. Семенова на примере изучения рассказов «Спать хочется» и «Анна на шее» приходит к выводу об оправдании автором деструктивности финальных частей этих произведений [Семенова 2020]. Работа Е. И. Зейферт в аспекте «оправдательной» поэтики Чехова в первом из названных рассказов конкретизирует авторскую позицию по отношению к нравственно-правовым категориям преступления и наказания [Зейферт 2021]. Тема преступления, наказания и правосудия в творчестве Чехова представлена в философско-правовом аспекте в статье А. Н. Яшина [Яшин 2017]. Криминальный сюжет зачастую связан с мотивом смерти [Яковлева 2017]. Преступление как концепт описано в работе К. В. Нестеренко [Нестеренко 2015]. Исследователи творчества Чехова отмечают пародийные аллюзии в его произведениях, связанные с именем Ф. М. Достоевского [Кибальник 2015]. Нельзя не отметить биографический роман о Чехове французского писателя А. Труайя [Труайя URL]. Краткий обзор научных работ, посвященных исследованию «криминальных» произведений Чехова, свидетельствует о разнообразии подходов и точек зрения, которые дополняют друг друга в выстраивании индивидуальной авторской концепции понимания уголовно-правовой системы России конца XIX – начала XX веков.

Известно, что А. П. Чехов получил медицинское образование в Московском университете (1879-1884, медицинский факультет). В 1881-1883 годах он проходил практику в Чикинской земской лечебнице, находившейся на окраине Воскресенска (ныне – Истра Московской области). После окончания университета Чехов продолжил работу в Воскресенской больнице. Обучаясь на четвертом курсе, он пишет брату Александру: «...Кроме экзаменов (кои впрочем, еще предстоят только), к моим услугам работа на трупах» [Труайя URL]. В этот период создаются рассказы на уголовную тематику: «Случай из судебной практики», «Верба», «Вор», «Шведская спичка», повесть «Драма на охоте» и т. д. Рассмотрим некоторые из них.

Произведение «Случай из судебной практики» в публикации 1883 года в журнале «Зритель» имело подзаголовок «Уголовный рассказ». Чехов виртуозно изобразил процесс судебного заседания над мещанином Сидором Шельмецовым. Говорящая фамилия подтверждала выдвинутое обвинение в «краже со взломом, мошенничестве и проживательстве по чужому виду». Центральное место в рассказе занимает речь защитника подсудимого. Автор не назвал имени адвоката, но подчеркнул, что это был «знаменитейший и популярнейший адвокат», которого «знает весь свет. Чудные речи его цитируются, фамилия его произносится с благоговением»¹. Образ защитника, по-видимому, является собирательным. Чехов был знаком с известными юристами того времени (А. И. Урусовым, С. А. Андреевским, Н. П. Карабчевским, А. Ф. Кони, Ф. Н. Плевако и др.), вел переписку с некоторыми из них.

В лингвистическом аспекте представляют интерес используемые правозащитником приемы ораторского искусства, разнообразные средства выразительности, логика построения защитительной речи. Речь адвоката насыщена экспрессивной лексикой: обвиняемый «выстрадал шестимесячное предварительное заключение», его дети «протягивают ... ручки» (к представителям суда); употреблены эпитеты: «горячо любимый супруг», «дорогой отец», «его нравственные муки», гипербола: «глаза детей не высохали от слез». Также используется специальная юридическая лексика: окружной суд, скамья подсудимых, кража со взломом, мошенничество, товарищ прокурора, адвокат, судебный пристав, присяжные заседатели, обвинение. Слово героя в защиту обвиняемого наполнено восклицательными предложениями, паузами, обращениями к присяжным заседателям и стороне обвинения и завершается умолчанием и риторическим вопросом.

Чехов на примере рассказа «Случай из судебной практики» показал обратный эффект, который возымело пылкое красноречие защитника: герой признает свою вину, суд заключает его под арест. Следуя своей индивидуальной авторской манере тонкого психолога и юмориста, писатель демонстрирует отличное знание судебной системы в целом и человеческих характеров в частности.

В 1883 году в №15 журнала «Осколки» Чехов публикует рассказ «Верба», сюжет которого состоит в том, что старик Архип становится свидетелем убийства почтальона ямщиком и кражи его сумки с деньгами. В юридическом аспекте рассматриваемое произведение заставляет задуматься над такими вопросами, как наличие свидетеля уголовного преступления (убийства), кража имущества, ложные показания «потерпевшего» (героя-ямщика), пересмотр дела о преступлении, правомерность наказания. Идея произведения заключается в мысли о том, что рано или поздно преступник раскается сам либо его настигнет наказание. Главный герой постепенно сходит с ума: «По плотине гуляла тень почтальона, и он (ямщик) беседовал с ней». Явившись в полицейский участок с повинной и не добившись повторного рассмотрения дела («Преступник не найден – ну, и шабаш!»), герой принимает решение утопиться.

Отметим лингвистические особенности выражения художественной идеи рассказа «Верба». Произведение начинается и завершается с риторического вопроса. Такое кольцевое обрамление усиливает мысль автора о возмездии за совершенное преступление («И пришлось бежать от совести в воду, возмутить то именно место, где плавают поплавки Архипа»). Начало рассказа погружает читателя в мир старика Архипа, автор подробно описывает вербу, в дупло которой будет в дальнейшем спрятана ямщиком сумка с деньгами. В повествовании-размышлении автор использует приемы диалогизации речи (обращение к читателям, побуждение к действиям: «Всуньте руку в дупло, и ваша рука увязнет в черном меду»). Обращает на

¹ Рассказы «Случай из судебной практики» и «Верба» цитируются по текстам электронного ресурса URL: <https://онлайн-читать.рф/>. Источником цитирования произведений «В овраге», «В суде», «Драма на охоте», «Пари», «Спать хочется», «Шведская спичка» является электронный ресурс URL: <https://ilibrary.ru/text/>, рассказа «Убийство» – URL: <https://azbyka.ru/fiction/ubijstvo/>.

себя внимание видоременная соотнесенность глагольных форм в рассказе – чередование глаголов настоящего и прошедшего времени. Основная часть рассказа строится на диалогах героев с использованием разговорной, грубо-просторечной лексики (братец, снес, дурень, слоняться, клепаешь, дурак, мерзавцы), фразеологизмов (душа болит). Таким образом, используя различные лингвистические средства, автор ставит перед читателем вопрос не столько о юридическом правосудии, сколько о нравственном.

Рассказ «Шведская спичка» (1884 г., альманах «Стрекоза») Чехов создал как пародию на уголовные рассказы. В лингвистическом аспекте пародийность на криминальный сюжет достигается следующими средствами. Во-первых, заявлением об убийстве без предъявленных доказательств. Основанием для заявления явилась пропажа Кляузова и показания садовника Ефрема о том, что барин не выходил из спальни целую неделю. Распространение героями рассказа непроверенной информации об убийстве основано на домысле. В юридическом контексте домысел – это вывод, полученный на основе умозаключения, интуиции, а не на основе фактов. В современном законодательстве, как правило, термин «домысел» используется в судебном процессе при обсуждении дел по статьям 152 ГК РФ «Защита чести, достоинства и деловой репутации», 130 УК РФ «Оскорбление» (утратила силу) и перешла в статью 5.61 КоАП РФ, однако может соответствовать ст. 128.1 «Клевета» УК РФ. Также он применим к части определенных средств доказывания – таких, как заключения экспертов-лингвистов.

Во-вторых, описанием процедуры осмотра места происшествия. После внешнего беглого осмотра флигеля, в котором жил пропавший Кляузов, становой идет пить чай и два часа дожидается следователя. Чехов тонко отмечает комичность ситуации при некомичных обстоятельствах: «Повздыхали, поужасались, выпили по стакану чаю и пошли к флигелю». Взлом двери в спальню осуществляется без понятых (перед взломом следователь приказал всем удалиться). Герои предлагают версию пропажи «трупа» через окно, от найденной улики – шведской спички – следователь отмахнулся как от ненужной детали. Нагнетание сюжета достигается за счет нанизывания «улик»: след от колена на подоконнике, шведская спичка на полу, «следы зубов» на подушке, на улице под окном – «несколько поломанных веточек и кусочек ваты», волоски темно-синей шерсти на репейнике и т. д. Правдоподобность следственных действий подтверждается указанием следователя взять для анализа немного травы с кровью, осмотром и снятием плана местности, а также составлением протокола.

Основной сюжет в произведениях Чехова, как правило, строится на диалогах героев. В рассматриваемом рассказе наблюдается та же тенденция к диалогичности, использованию разговорной, а также эмоционально-окрашенной лексики, к коротким простым предложениям. Лингвистический интерес может представлять этимология юридических терминов: становой пристав, понятые, следователь, письмоводитель, алиби. В целях большей убедительности действий представителей органов Чехов использует слова и выражения на латинском языке: *alibi* (алиби), *non dubitandum est* (нет сомнения), *veni, vidi, vici* (пришел, увидел, победил). Финал первой части рассказа, заключающийся в аресте Псекова и Николашки и помещении их в тюрьму на двенадцать дней, может быть рассмотрен в юридическом аспекте. Герои являются подозреваемыми без существенных доказательств на то. Примечательно, что сцена допроса обоих описана автором во второй части, после заключения под стражу.

Разоблачение «преступников» происходит во второй части рассказа благодаря смекалке Дюковского, делопроизводителя и помощника следователя. Ими оказываются жена станового Ольга Петровна и живой Кляузов, которого она прятала от всех, в том числе и от мужа, в бане. Чехов как профессиональный психолог и юморист демонстрирует читателю в финале произведения абсурдность ситуации: сокрытие человека на территории, принадлежащей представителю правопорядка. Так «криминальный» сюжет по Чехову обернулся закулисной интригой, выраженной фразой нашедшегося героя: «Любовь, водка и ласка!».

Произведение «Драма на охоте» (1884 г., газета «Новости дня») имело подзаголовок «Истинное происшествие», «Из записок судебного следователя». Отличает данное произведение Чехова от других его объем, жанровая специфика, сложность сюжетной линии. Автор использует довольно редкий жанр, который можно обозначить как «повесть в повести». В обрамляющей сюжетной линии главные действующие лица – редактор и судебный следователь в отставке под настоящей фамилией Камышев, в центральной – Петр Егорович Урбенин, Ольга Урбенина, его жена, и тот же следователь, но под псевдонимом Зиновьев (о значении имени Зиновьева см. в работе И. В. Алехиной [Алехина 2013]). Отдельные исследователи в своих работах рассматривают данное произведение как роман, не оговаривая аргументацию отнесения к указанной жанровой форме, также обозначают его как «интертекстуальный детектив» [Кибальник 2015: 27].

К лингвистическим особенностям данного текста отнесем детализированные портретные характеристики героев, пейзажные зарисовки в лирической стилиевой тональности, повествование от первого лица (рассказчиком трагических событий является Камышев-Зиновьев), прием нарративного настоящего, использование латинских слов и выражений (например, «*Humanum est errare*» – «человеку свойственно ошибаться»). Также повесть Чехова «отличается нарочитой «литературностью», метафоричностью и экспрессивностью слога, поэтическими «находками»: мотивы озера, «девушки в красном», духоты, хронотоп графской усадьбы, зооморфный код (Ольга – «змея», «кошка») [Алехина 2013: 4].

В уголовно-правовом аспекте в повести «Драма на охоте» можно рассматривать эпизод нанесения телесных повреждений рассказчиком (Камышевым-Зиновьевым) мужику во время прогулки на лодке. Сам рассказчик не помнит происходящего и узнает о скандальном случае от знакомого врача. Чехов дает точное описание повреждения, переходя с языка художественного на официально-деловой язык с применением специальной терминологии: «Рана ушибленная, повыше лба, на границе с волосистой частью...», «рана головы, проникающая до черепа». При нанесении увечья герой угрожал мужику убийством. В рамках современного законодательства описываемый эпизод можно соотнести с несколькими статьями УК РФ: ст. 115. Умышленное причинение легкого вреда здоровью, ст. 116. Побои, ст. 119. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, а также ст. 5.61. Оскорбление и ст. 20.1. Мелкое хулиганство, выражающееся в нарушении общественного порядка (КоАП РФ).

Автор использует прием умолчания, повествование прерывается, ряд событий пропущен. Как отмечают исследователи творчества Чехова, «сложная структура повествования, наличие «ненадежного» нарратора, неявные способы авторского

присутствия в тексте стимулируют читательскую активность» [Алехина 2013: 4]. Провалы в воспоминаниях Зиновьева, умышленные пропуски текста заставляют внимательного читателя подозревать рассказчика. Зиновьев признается: «Все восемь лет я чувствовал себя мучеником. Не совесть меня мучила, нет!... Мучило же меня другое: все время мне казалось странным, что люди глядят на меня как на обыкновенного человека; ни одна живая душа ни разу за все восемь лет пылливо не взглянула на меня... Для человека преступного такое положение неестественно и мучительно». На вопрос редактора, догадавшегося, что убийца – автор повести об Ольге, как он убил, тот отвечает: «Убил я под влиянием аффекта... Жизнь есть сплошной аффект...». Аффективное состояние рассказчика проявляется в гневе, страхе, лихорадочном состоянии, снегаллюцинации, частичной потери памяти. Однако он осознавал последствия содеянного после пробуждения, о чем свидетельствуют его действия, ведущие следствие по ложному пути: беседа с графом, умышленно затянутый диалог с умирающей героиней, прибытие старосты и понятых утром, осмотр места происшествия по истечении времени и др.

Достоверность произошедшего и жестокость убийства подтверждаются подробным описанием протокола судебно-медицинской экспертизы. А. Маслов в статье «Третья профессия Антоши Чехонте» пишет: «Чехов предусматривает даже такую деталь, как присутствие следователя на вскрытии тела Урбениной, производимого земским врачом. Протокол составлен с соблюдением всех требований, предъявляемых к судебно-медицинским документам. Из текста видно, что автору неоднократно приходилось самому производить вскрытия, исследовать и описывать повреждения, что, хорошо знают судебные медики, требует не только теоретических, но и достаточно практических навыков. ...А. П. Чехов доносит до читателя существенные детали вскрытия, со знанием дела описывает резаные, колото-резаные... раны, не забывает установить локализацию, глубину повреждений, отметить состояние краев и рубцов раны» [Маслов 1993: 38-40].

В уголовно-правовом аспекте в «Драме на охоте» интерес могут также представлять допросы Урбенина, осмотр места происшествия через несколько дней (2-3 дня) под руководством товарища прокурора, допрос свидетеля Кузьмы. Самолюбование и безжалостность Камышева к судьбе осужденного Урбенина («Невинно страдает человек, а вы спрашиваете: «А что?»), ненависть к убитой Ольге («маленькое, гаденькое существо», которое он «добил»), отсутствие раскаяния в совершенном преступлении, презрение к «глупому» обществу, допустившему судебную ошибку, оставив на свободе настоящего убийцу, – таким мы видим героя Чехова, преступившего закон. Произведение Чехова заканчивается тонкой деталью, передающей ужас и неестественность происходящего: «Вам, я вижу, со мной душно...» (слова Камышева), ответ редактора: «Мне было душно» (психологически невыносимо находиться рядом с таким человеком).

Таким образом, главной темой повести «Драма на охоте» Чехова стала тема преступления без наказания по суду. В целях сокрытия убийства Ольги Урбениной следователь Камышев-Зиновьев не только привел дело к осуждению невинного человека (Урбенина), но и убил свидетеля (Кузьму). Оставшись на свободе, он продолжает цинично наблюдать за судьбой Петра Егоровича и графа. В произведении остро звучат вопросы ошибочного следствия, несправедливости обвинения и наказания, показан тип нераскаявшегося преступника, подчеркнут драматизм ситуации, когда преступление совершает представитель уголовно-правовой системы.

В центре рассказа «В суде» (1887 г. за подписью Антон Чехов) – проблема равнодушия судебной системы к судьбе человека: герою предъявлено обвинение в убийстве своей жены, которого он не совершал. Обратим внимание на тот факт, что слова «судьба» и «суд» родственные, они относятся к одному старославянскому корню. В древнерусском языке с XI века слово «судьба» употреблялось в значении «суд, правосудие», судьбой называли Божий суд. В словаре В. И. Даля оба слова находятся в гнезде глагола «судить», отдельных словарных статей для них не приведено [Даль 1991, Т. 4: 355-356].

Все языковые средства, используемые автором для выражения идеи произведения, направлены на усиление эффекта впечатления от судебной системы как механизма: «пасмурные окна, стены, голос секретаря, поза прокурора – все это было пропитано канцелярским равнодушием и дышало холодом, точно убийца составлял простую канцелярскую принадлежность или судили его не живые люди, а какая-то невидимая, бог знает кем заведенная машинка...». Картина унылости и безысходности положения подсудимых нарисована автором с помощью эпитетов: «в один из пасмурных осенних дней», окружной суд имеет «унылый казарменный вид», «давящим камнем высится над скромным пейзажем», «внутри все сарайно и крайне непривлекательно». Поточность судопроизводства соотносится с конвейером: «К двум часам было сделано многое: двоих присудили к арестантским ротам, одного привилегированного лишили прав и приговорили к тюрьме, одного оправдали, одно дело отложили...». Движение судебной «машинки» находит отражение в глаголах: замелькали, кончались, присудили, лишили, приговорили, оправдали, отложили, объявил, распорядился и др. Далее Чехов подробно показывает ход судебного разбирательства и причины, приведшие к ошибочному решению: председатель в ходе чтения обвинительного акта секретарем интересуется у коллеги о временном жилье, товарищ прокурора читает «Каина» Байрона, защитник ждет очереди выступить со скучной речью («Предстоящая речь его нисколько не волновала», поскольку она составлена «по приказанию начальства, по давно заведенному шаблону»). Перечисляя посторонние действия представителей судебной системы в процессе заслушивания дела, автор показывает их отношение к выполнению своего профессионального долга.

В последних абзацах рассказа звучит авторский голос, оценивающий ситуацию безысходности и несправедливости происходящего: эпитеты («тяжелое мгновение», «роковая случайность», «невозможная мысль»), литота («все как будто присели или стали ниже»), метафора («во всех головах мелькнула мысль», «ужас пролетел по зале невидимкой»). Писатель изобразил, как рушатся последние надежды человека на правосудие, как равнодушие губит жизни невинных людей: «Он встретил здесь совсем не то, что мог ожидать». Чехов открыто делает вывод: «...именно в этом машинном бесстрастии и кроется весь ужас и вся безвыходность его положения». Идея рассказа – не описание конкретного убийства, а изображение безжалостной, в отдельных случаях несправедливой судебно-бюрократической системы.

Рассказ «Спать хочется» опубликован в 1888 году в «Петербургской газете» №24 под псевдонимом А. Чехонте, в 1890 году напечатан в сборнике «Хмурые люди» с отредактированным финалом – убийство младенца. В этом произведении автор показывает читателю, что преступление может быть совершено в состоянии иступления, душевной и физической опустошенности, усталости, возникшей от постоянного недосыпания, приведшего к аффективному состоянию главной

героини. К концу рассказа оно усиливается: сначала раздражает звук раскачиваемой колыбели, в «наполовину уснувшем мозгу» девочки возникают разные образы, в том числе и умершего отца. Девочка все время думает о сне, предметы вокруг нее изменяют свою форму, что свидетельствует о когнитивных расстройствах психики: «И вдруг калоша растет, пухнет, наполняет собою всю комнату...». Героиня «старается глядеть так, чтобы предметы не росли и не двигались в ее глазах», «бывают минуты, когда хочется, ни на что не глядя, повалиться на пол и спать». Ребенок становится для Варьки «врагом, мешающим ей жить», «ложное представление овладевает Варькой», «ей приятно и щекотно от мысли, что она сейчас избавится от ребенка, сковывающего ее по рукам и ногам... Убить ребенка, а потом спать, спать, спать...». Безумие овладевает сознанием девочки: «Смеясь, подмигивая и грозя зеленому пятну пальцами», она совершает убийство ребенка. Исследователи отмечают: «Чехов отодвигает событие убийства в самый финал произведения: если бы он сообщил об убийстве сразу (как в криминальной статье), то читателю было бы трудно не осуждать Варьку» [Зейферт 2021: 46]. «Средствами поэтики (на пространственно-временном, мотивном, субъектно-объектном, речевом и других уровнях), обдуманном привлечением в художественную реальность физиологических и медицинских данных Чехов «оправдывает» свою героиню» [Зейферт 2021: 46]. В центре рассказа не умышленное лишение жизни человека, а «мертвый» сон героини (отсюда и заглавие произведения), обусловленный истощением физических и моральных сил.

О внимании Чехова к душевному состоянию человека свидетельствовал земский врач П. А. Архангельский, при котором Чехов работал в Воскресенской больнице в первый период своей врачебной деятельности. В воспоминаниях о Чехове он сказал: «Он (Чехов) не сделался врачом-практиком, но остался тонким диагностом душевных состояний человека...» [Соболев 1916: 140]. В контексте рассмотренного произведения поднимается вопрос о совершении преступления в состоянии аффекта. В современном законодательстве в соответствии с УК РФ убийство, совершенное в состоянии аффекта, предусматривает наказание по статье 107. Убийство, совершенное в состоянии аффекта. Противоправные действия в отношении виновного в совершении преступления (оскорбления, угрозы, побои и т. д.), производимые систематически (как в случае с героиней рассказа Чехова), провоцируют аффективное поведение. Исходя из описания Чехова, аффективное состояние героини можно квалифицировать как патологическое, характеризующееся временным полным помрачением сознания и неуправляемыми действиями. Патологический аффект исключает вменяемость и, соответственно, уголовную ответственность.

Тема смертной казни и пожизненного заключения как высших видов наказания станет главной в рассказе «Пари», опубликованном в 1888 году за два года до поездки Чехова на остров Сахалин. По мнению Чехова, «казнь убивает сразу, а пожизненное заключение медленно», «то и другое одинаково безнравственно..., потому что имеет одну и ту же цель – отнятие жизни». После добровольного заключения на 15 лет один из героев рассказа, юрист, приходит к выводу о том, что одиночество навсегда отделило его от «глупого» общества («я презираю и свободу, и жизнь, и здоровье, и все то, что в ваших книгах называется благами мира»).

Изучение вопроса о том, что происходит с преступником после вынесения приговора, Чехов продолжит на Сахалине. Большую часть произведений криминального сюжета автор написал до поездки на остров в 1890 году. Однако его интересовал каторжный быт и внутренний мир каторжан, Чеховым описаны Александровская, Дуйская, Корсаковская тюрьмы. Глава XXI книги очерков «Остров Сахалин» (1893 г.) включала в себя такие вопросы, как нравственность ссыльного населения, преступность, следствие и суд, наказания, розги и плети, смертная казнь. После возвращения 8 декабря 1890 года в Москву, Чехов продолжил работу над темами, связанными с криминальным сюжетом, судебной проблематикой, с категориями вины, преступления и наказания. Книга «Остров Сахалин» окончательно утвердила правовые взгляды писателя в отношении уголовно-исполнительной системы России того времени. Подтверждение этому находим в его следующих произведениях.

Действие рассказа «Убийство» (1895 г., журнал «Русская мысль», подпись «Антон Чехов») разворачивается на фоне размышлений автора о вере в Бога («Человек не может жить без веры, и вера должна выражаться правильно... Нужно жить, а значит и молиться так, как угодно Богу...»). Однако если человек теряет веру, то он теряет почву под ногами, попадает в круговорот событий, которым сложно противостоять. Яков Иваныч – один из главных героев рассказа «Убийство» – глубоко верующий человек, стремящийся во всем к «известному порядку». Но и он после долгих размышлений приходит к выводу о том, что «у этих людей тоже нет никакой веры и что это их нисколько не беспокоит, и жизнь стала казаться ему странно, безумно и беспросветно, как у собаки...». В повести «В овраге», опубликованной в 1900 году в журнале «Жизнь» с подписью «Антон Чехов», звучат схожие мысли. В разговоре с Варварой в ответ на ее слова о том, что у бога суд праведный, Анисим Цыбукин говорит: «Бог, может, и есть, а только веры нет», «все горе оттого, что совести мало в людях». И далее о себе: «... пока меня венчали, я все думал: есть бог! А как вышел из церкви – и ничего. Да и откуда мне знать, есть бог или нет?». За эти сомнения герои заплатят дорожную цену: Яков Иваныч станет соучастником убийства родного брата и отправится отбывать наказание на Сахалин, Анисим Цыбукин предпримет попытку обогащения за счет подделки денег, за что будет сослан на каторжные работы в Сибирь.

В рассказе «Убийство» Чеховым впервые описано совершение преступления группой лиц: Яковом и его сестрой Аглаей при двух свидетелях – Дашутке и Сергее Никанорыче. В уголовно-правовом аспекте современного законодательства убийство Матвея можно определить как особо тяжкое преступление по ст. 11 УК РФ «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью» группой лиц и повлекшее смерть потерпевшего. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года разграничивало преступления и проступки на 2 степени: совершенные с «заранее обдуманным намерением и умыслом» (1 степень) и «с намерением, но по внезапному побуждению без предумышления» (2 степень) [Уложение 1845, отд. 1, п. 6]. Понятие об умысле, приготовлении к преступлению в Уложении освещено во 2 отделении п. 8-12, о совершении преступления несколькими лицами – в 3 отделении п. 13-17. По Уложению 1845 года убийство Матвея можно рассматривать как преступление 2 степени.

В данном рассказе Чехов утвердил неотвратимость наказания: всех четверых арестовали и посадили в острог. Суд состоялся через 11 месяцев, по решению которого «все четверо были признаны виновными в убийстве с корыстной целью».

Яков Иванович был приговорен к каторжным работам на двадцать лет, Аглая – на тринадцать с половиной, Сергей Никанорыч – на десять, Дашутка – на шесть». В рассказе упоминается Воеводская тюрьма на Сахалине, «самая неприглядная и суровая из всех сахалинских тюрем». На примере судьбы Якова Ивановича писатель показывает изнутри уголовно-исправительную систему того времени: за побег присудили бессрочную каторгу, дали 40 плетей, два раза наказывали розгами за то, что у героя украли арестантскую одежду. Арестанток, в их числе оказалась и Дашутка, размещали к поселенцам на сожительство. Не вызывает сомнения отражение впечатлений Чехова от поездки на остров Сахалин в рассказе «Убийство». Материал, собранный им в одноименной книге, помог писателю открыть новые грани тем преступления и наказания, усложнить проблематику криминального сюжета и утвердить его взгляды на отечественную правовую систему как писателя-гуманиста.

Особое значение в контексте всего произведения получает его заглавие – «Убийство». Несмотря на то, что большая часть текста посвящена вопросам религии, центральным событием становится лишение жизни человека другими лицами. В словаре Даля существительное «убийство» находится в гнезде многозначного глагола «убивать», который произошел от праславянского «бити»; означает «убиение человека, смертоубийство, умерщвление, лишение кого жизни, как преступление» [Даль 1991, Т. 4: 457]. По верному наблюдению одного из исследователей творчества Чехова, «в рассказах «Убийство» и «В овраге» писатель пытается ответить на вопрос: когда, в какой момент в человеке, решившимся на убийство, наступает духовный надлом и обесценивается чужая жизнь. И не важно, верующий человек или безбожник – он в любом случае нарушает не только светский, но и нравственный закон» [Яшин 2017: 170]. Этот вопрос и составляет основную проблематику данных произведений. Для верующего человека убийство – грех вдвойне, нарушение шестой заповеди Бога.

В повести «В овраге» описано жестокое убийство маленького ребенка Аксиньей по причине ненависти к Липе, его матери. Виновница остается без наказания. Данная ситуация, на наш взгляд, также может быть соотнесена со ст. 111 УК РФ, как в рассказе «Убийство», однако с уточнением «в отношении малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, а равно с особой жестокостью, издевательствами или мучениями для потерпевшего». В части лингвистических особенностей повести отметим развернутые портретные характеристики героев, их диалоги преимущественно разговорного стиля речи, описания природы с использованием различных художественных средств. Развязка повести основана на антитезе «жизнь-смерть» (крик выпи, кукушки, кваканье лягушек: «...все эти твари кричали и пели нарочно...» – и мертвый ребенок в руках Липы). По-чеховски тонко и трагично звучит фраза о том, что «жизнь дается только один раз!». Символика заглавия данного произведения несколько иная, чем в рассказе «Убийство». Заглавие «В овраге» метафорично, оно обозначает жестокость людей, жадность, обогащение за счет других, разложение крестьянской жизни, стремление к наживе, которое разрушает человеческие отношения. Овраг символизирует пропасть, в которой царит зло и беззаконие.

В рассказе «Убийство» Чехов, опираясь на криминальный сюжет, показал, что цена настоящей веры может быть слишком высока: Якову «...было непонятно только одно, почему жребий людей так различен, почему эта простая вера, которую другие получают от Бога даром вместе с жизнью, досталась ему так дорого», «...и хотелось жить, вернуться домой, рассказать там про свою новую веру и спасти от гибели хотя бы одного человека и прожить без страданий хотя бы один день». Повесть «В овраге» провозглашает торжество правды и христианское понимание Божьего правосудия: «И как ни велико зло, всё же ночь тиха и прекрасна, и всё же в божьем мире правда есть и будет, такая же тихая и прекрасная, и всё на земле только ждет, чтобы слиться с правдой, как лунный свет сливается с ночью». Оба произведения объединяют не только вопросы веры, но и острая социальная проблематика: имущественное неравенство жителей деревни, повсеместные обман и эксплуатация.

Таким образом, в произведениях Чехова, в основе которых лежит криминальный сюжет и описание судебной системы России, представлена правовая картина мира конца XIX – начала XX века и ее индивидуальное восприятие автором. Она включает в себя все отрасли права: уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного. Автор мастерски изображает разные стороны преступной деятельности, начиная от возникновения мотива преступления, в отдельных случаях описывая само преступление, состояние героев после совершения ими различных преступлений, судебный процесс над преступником и нахождение его в заключении. Так выстраивается некая общая сюжетная линия криминальной хроники Чехова.

Практически во всех рассмотренных выше произведениях преступление заключается в убийстве человека. Как следствие этого мотив смерти становится ведущим. Исследователи отмечают, что «в рассказах, содержащих танатологический мотив, отсутствует юмористический тон, традиционно используемый Чеховым для снижения пафоса повествования и смягчения драматизма своих произведений», его цель – «довести драматизм до кульминации» [Яковлева 2017: 264]. Человеческая жизнь (собственная или чужая) для чеховских героев теряет ценность. Именно поэтому так легко совершаются убийства или самоубийства, изображаемые автором. Писатель утверждает, что одной из главных причин совершения преступлений, в частности лишения жизни человека, является равнодушие со стороны окружающих.

Лингвистические особенности криминальных и судебных произведений Чехова выражены в символике заглавий («Убийство», «В овраге»), говорящих именах героев и детализации их портретных характеристик («Случай из судебной практики», «Шведская спичка»), юридической терминологии («Случай...», «Шведская спичка», «Драма на охоте», «В суде»), судебно-медицинской терминологии («Драма...»), включении в текст слов-терминов и крылатых фраз на латинском языке («Шведская спичка», «Драма...»), диалогизации повествования («Верба»), экспрессивной и грубо-просторечной лексике, художественных средствах выразительности (эпитеты, метафоры, гиперболы, олицетворения, умолчание, ирония), прямой речи (все рассмотренные выше тексты), религиозной лексике («Убийство»), риторических вопросах и обращениях («Случай...», «Верба»), приеме нарративного настоящего («Верба», «Драма...», «В суде», «Спать хочется»), синтаксических конструкциях – простых неполных предложениях («Случай...», «Верба», «В суде») и сложных распространенных предложениях («Шведская спичка», «Драма...», «Убийство», «В овраге»).

Стойкий интерес к темам судебной системы, законодательства, вопросам уголовного права сохранится у Чехова до конца жизни (рассказы «Вор», «Мертвое тело», «Следователь», «Бабы», «Мужики» и др.). Используя разнообразные художественные средства и лингвистические приемы, писатель в полной мере изобразил мир, в котором зарождается идея преступления и осуществляются действия, связанные с его совершением. Несмотря на изменения нормативной базы, произошедшие за период последних двух столетий, проблематика произведений Чехова остается актуальной в настоящее время.

Литература

- Алехина И. В. Автор в нарративной структуре «Драмы на охоте» А. П. Чехова / Вестник Брянского государственного университета.: История и политология. Право. Литературоведение. Языкознание. – 2013. – №2. – С. 168-172. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtor-v-narrativnoy-strukture-dramy-na-ohote-a-p-chehova/viewer>
- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1991. – Т. 4.
- Зейферт Е. И. «Спать хочется» А. П. Чехова: поэтика, «оправдывающая» Варьку / Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». – 2021. – №3. – С. 42-52.
- Кибальник С. А. Чехов «за» и «против» Достоевского («Драма на охоте» как роман-пародия) / Новый филологический вестник. – 2015. – №1(32). – С. 18-31.
- «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 №195-ФЗ (ред. От 07.06.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/
- Маслов А. Третья профессия Антоши Чехонте / Милиция. – 1993. – № 1. – С. 38-40.
- Нестеренко К. В. Особенности репрезентации концепта «преступление» в рассказах А. П. Чехова / Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления: материалы Международной научной конференции (Екатеринбург, 27 ноября 2015 года) / Гл. ред. А. П. Чудинов. Екатеринбург, 2015. – С. 182-187.
- Семенова Н. В. Анализ рассказов Чехова «Спать хочется» и «Анна на шее». Тверь, 2020.
- Соболев Ю. Антон Чехов. Неизданные страницы. М., 1916. URL: <https://electro.nekrasovka.ru/books/1077/pages/1>
- Труайя А. Антон Чехов. Глава V. Журналистика и медицина. URL: <https://a-chehov.ru/publikacii/truaya-anton-chehov/p5?ysclid=mbxlukd38e92700586>
- «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.05.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/?ysclid=mb7w5udzlq132034968
- Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб, 1845. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_002889696?page=1&rotate=0&theme=white
- Яковлева Ю. М. Танатологический мотив в рассказах А. П. Чехова / Молодежь в науке: Новые аргументы: сборник научных работ VII Международного молодежного конкурса (Россия, г. Липецк, 27 октября 2017 г.). Часть III / Отв. ред. А. В. Горбенко. Липецк, 2017. – С. 260-264.
- Яшин А. Н. Тема преступления, наказания и правосудия в воззрении и творчестве А. П. Чехова / Тенденции и перспективы решения проблем государства и права: сборник статей Международной научно-практической конференции (16 сентября 2017 г., г. Омск). Уфа, 2017. – С. 168-171.

References

- Alyokhina, I. V. (2013). The author in the narrative structure of A. P. Chekhov's «Drama on the Hunt». The Bryansk State University Herald. History and Politology. Law. Science of Literature. Linguistics, 2, 168-172. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtor-v-narrativnoy-strukture-dramy-na-ohote-a-p-chehova/viewer> (in Russian).
- Dal, V. (1991). Explanatory dictionary of the living Great Russian language. Moscow. Vol. 4. (in Russian).
- Seifert, E. I. (2021). "I'm sleepy" by A. P. Chekhov: poetics that "justifies" Varka. VESTNIK RGGU. Seriya "Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya", 3, 42-52 (in Russian).
- Kibalnik, S. A. (2015). Chekhov "for" and "against" Dostoevsky ("Drama on the Hunt" as a parody novel). The New Philological Bulletin, 1(32), 18-31 (in Russian).
- The Code of Administrative Offences of the Russian Federation dated 12/30/2001 No. 195-FZ (as amended on 06/07/2025). Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (in Russian).
- Maslov, A. (1993). The third profession of Antosha Chekhonte. Police, 1, 38-40 (in Russian).
- Nesterenko, K. V. (2015). The peculiarities of the representation of the concept of "crime" in the stories of A. P. Chekhov. Political linguistics: problems, methodology, aspects of research and prospects for the development of the scientific field. Proceedings of the International Scientific Conference (Yekaterinburg, November 27, 2015). Pp. 182-187. A. P. Chudinov (Ed.). Yekaterinburg (in Russian).
- Semenova, N. V. (2020). Analysis of Chekhov's short stories "I'm sleepy" and "Anna on my Neck". Tver (in Russian).
- Sobolev, Yu. (1916). Anton Chekhov. Unreleased pages. Moscow. Available from: <https://electro.nekrasovka.ru/books/1077/pages/1> (in Russian).
- Troye, Eh. Anton Chekhov. Chapter V. Journalism and medicine. Available from: <https://a-chehov.ru/publikacii/truaya-anton-chehov/p5?ysclid=mbxlukd38e92700586> (in Russian).
- The Criminal Code of the Russian Federation dated 06/13/1996 N 63-FZ (as amended on 04/21/2025) (as amended and supplemented, intro. effective from 05/02/2025). Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/?ysclid=mb7w5udzlq132034968 (in Russian).

Code of Criminal and Correctional Punishments. (1845). Saint-Petersburg. Available from:

https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_002889696?page=1&rotate=0&theme=white (in Russian).

Yakovleva, Yu. M. (2017). The thanatological motif in the stories of A. P. Chekhov. Youth in science: New arguments. Collection of scientific papers of the VII International Youth Competition (Russia, Lipetsk, October 27, 2017). A. V. Gorbenko (Ed.). Lipetsk, 260-264 (in Russian).

Yashin, A. N. (2017). The theme of crime, punishment and justice in the view and work of A. P. Chekhov. Trends and prospects of solving problems of the state and law. Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference (September 16, 2017, Omsk). Ufa, 168-171 (in Russian).

Citation:

Кузнецова И. С. Криминальный сюжет и судебная риторика в произведениях А. П. Чехова: соотношение лингвистических особенностей художественного текста и уголовно-правового аспекта // Юрислингвистика. – 2025 – 37. – С. 108-115.

Kuznetsova I. S. (2025) Criminal Plot and Judicial Rhetoric in the Works of A. P. Chekhov: The Relationship between Linguistic Features of a Literary Text and the Criminal Law Aspect. *Legal Linguistics*, 37, 108-115.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

---